

А. В. Пигин

СТИХ О СПОРЕ ХМЕЛЯ И ТАБАКА

Резюме

Предметом исследования является сатирическое стихотворение, посвященное спору персонифицированных Хмеля и Табака и обличающее связанные с ними человеческие пороки. Стих известен автору статьи в пяти списках второй половины XIX — начала XX в., которые представляют несколько вариантов его текста. В статье анализируются источники памятника: апокрифы о Ное, повести о происхождении табака «от книги глаголемая Пандок» и «из лѣтописца греческаго», Библия, фольклорные легенды, песни, пословицы и афоризмы. В качестве контекста привлекаются также лубочные картинки. Кратко представлена стихотворная повесть о споре Хмеля, Табака, Чаю и Кофею по рукописи старообрядческого книжника Симеона Гаврилова, использующая отдельные мотивы анализируемого стиха. В некоторых вариантах произведения содержатся элементы социальной сатиры. В Приложении публикуется текст стиха по рукописи из коллекции А. Н. Власова в Древлехранилище им. В. И. Малышева Пушкинского Дома.

Ключевые слова: рукописная книжность, раешные стихи, сатира, сочинения о табаке и хмеле, апокрифы, фольклорные легенды, пословицы, старообрядчество

Alexander V. Pigin

A VERSE ABOUT THE DISPUTE BETWEEN HOPS AND TOBACCO

Abstract

The article presents a study of a satirical poem ("Verse") about a dispute between the personifications of Hops and Tobacco. The poem denounces human vices associated with these plants. The author of the article is familiar with several versions of the "Verse," which are contained in five handwritten copies of the second half of the 19th and the early 20th century. The article analyzes the following sources of this text: apocrypha about Noah, two

tales about the origin of tobacco, which are entitled "A Tale from the Book Called Pandok" and "From a Greek Chronicle about the Origin of the Cursed Tobacco," the Bible, folk legends, songs, proverbs, and aphorisms. Popular prints (*lubki*) are also used as a context. Moreover, the article also gives a brief presentation of a poetic story about a dispute between Hops, Tobacco, Tea, and Coffee, which is found in a manuscript by the Old Believer bookman Simeon Gavrilov. This poetic story uses some motifs from the "Verse." Some versions of the "Verse" include elements of social satire. An appendix to the article contains a publication of the text of the "Verse" that is found in a manuscript in the Collection of Andrei Nikolaevich Vlasov in the Repository of Ancient Manuscripts (*Drevlekhranilishche*) of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) in St. Petersburg.

Keywords: handwritten books, rhyming poetry, verse, rayoshnik, satire, texts about tobacco and hops, apocrypha, folk legends, proverbs, Old Believers

DOI 10.31860/2712-7591-2024-2-143-157

В Древлехранилище им. В. И. Малышева в Пушкинском Доме находится небольшая, но достаточно интересная коллекция А. Н. Власова, состоящая из 10 рукописей XIX–XX вв. (опись 60). Рукописи поступили в Древлехранилище в два этапа: № 1–6 — в 2007 г., № 7–10 — в 2010 г. Приобретения 2010 г. были сделаны А. Н. Власовым во время его экспедиции в Мурашинский район Кировской области [Бильдюг, Галашева, Кужлев, с. 387, 437–439]; места обнаружения рукописей № 1–6, к сожалению, не известны, по каким-то причинам они не были зафиксированы документально при передаче материалов на хранение. Вероятнее всего, эти рукописи были найдены в ходе фольклорных экспедиций А. Н. Власова уже в петербургский период его жизни, но география этих поездок очень широка: Сольвычегодск, Великий Устюг, Каргополь, Лальск, Вельск, Верховажье, Шенкурск, Кировская область, Архангельск, Яренск и т. д.

Рукописи имеют преимущественно старообрядческое происхождение, содержат сочинения федосеевцев (№ 1), странников (№ 8), старообрядческую азбуку (№ 2), молитвы против бесов (№ 7), произведения богослужебной традиции (канон на исход души — № 3; канон Федоровской иконе Богоматери — № 9; канон Паисию Великому — № 10) и др.

Настоящая статья посвящена одному тексту из коллекции А. Н. Власова — стихотворному сочинению, имеющему в рукописи заглавие «О Хмель и Табакъ, глава 32». Произведение входит в состав рукописи № 4, т. е. относится к той части коллекции, происхождение которой неизвестно. Рукопись форматом в 8-ю долю листа, без переплета, всего 8 листов, исписанных крупным полууставом рубежа XIX–XX вв., на бумаге имеется штемпель, но идентификации он не поддается. Кроме интересующего нас текста, в состав

рукописи входит «Стих о пустыникѣ» (нач.: «Братия, вонмите, всѣ друзья мои, внятно приклоните ушеса свои...»)¹. Не исключено, что рукопись представляет собой фрагмент сборника, основная часть которого утрачена или находится в другом месте.

Стих о споре Хмеля и Табака (далее — «Стих...») — позднее (вероятно, XIX в.) сатирическое произведение, в котором разрабатывается излюбленная в древнерусской и старообрядческой литературе тема пагубности пьянства и употребления табака². Написанное сказовым стихом, сочинение построено в форме диалога персонифицированных Хмеля и Табака, обвиняющих друг друга в богопротивных делах и наносимом человеку вреде.

Кроме рукописи из коллекции А. Н. Власова (далее: Вл.-4), нам известно еще несколько списков этого произведения:

1) ИРЛИ. Собр. ИМЛИ. № 42. 10 л. 2-я пол. XIX в., полуустав, 8°, отдельный список стиха (л. 9 частично утрачен). Заглавие: «Хмель говорит о себе похвално. Глава 32» (заглавие, кроме слов «Глава 32», приписано, вероятно, позднее); далее — Инст.-42;

2) БАН. 16.4.29 (собр. журнала «Русская старина», № 26). Л. 9 об. — 14 об. 2-я пол. XIX в., полуустав, 8°. Заглавие: «О Хмѣле и Табаке». Кроме «Стиха...», рукопись включает стихотворную сатиру «Газета из ада» (о памятнике см.: [Алпатов]). К рукописи приложено письмо фольклориста И. М. Софийского (см. о нем: [Иванова]) в редакцию журнала «Русская старина», в котором он сообщал, что нашел рукопись в 1882 г. в городе Перовске в Туркестане среди уральских казаков-старообрядцев, сосланных сюда с земли Уральского казачьего войска. «Воззрения уральцев, — писал И. М. Софийский, — здесь довольно ярко проглядывают» (см. описание рукописи: [Описание рукописного отделения, с. 447]); далее — Акад.-29;

3) ГПНТБ СО РАН. Кемеровское территориальное собр. О. IX. 18. Л. 60—66 об. Конец XIX в., полуустав, 8°. Заглавие: «Стих Хмель <с> Табаком». Сборник представляет собой собрание духовных стихов («Стихарник»), включающий 29 текстов. Предположительно происходит из общины гурьевских старообрядцев-филипповцев (Новокузнецк) (см. описание рукописи и публикацию «Стиха...»: [Казанцева, с. 237—241 («Стих...»), 300 (комментарий), 351—353 (описание рукописи)]); далее — Сиб.-18;

4) ИРЛИ. Кол. Плотникова. № 16. 2-я пол. XIX в., два отдельных листа, полуустав, 2°. Начало «Стиха...»: «Слушай разговоръ проклятаго пьянства

¹ Стих широко представлен в поздней старообрядческой книжности [Filosofova, S. 237].

² Научная литература, посвященная таким произведениям, обширна; укажем по этой причине лишь некоторые работы последних лет: [Пигин, Бабалык; Бабалык; Бровкина].

и мрачного и скверного табака проклятого». Кроме «Стиха...», рукопись содержит вопросы и ответы типа Беседы трех святителей, краткую повесть о семи дочерях дьявола, выписку из «книги Пандок» о траве табаке (только самое начало); далее: Пл.-16.

Списки Вл.-4, Инст.-42, Акад.-29 близки друг другу; о родстве Вл.-4 и Инст.-42 свидетельствует и общая для них ссылка в заглавии на «главу 32», указывающая, вероятно, на порядковый номер текста в каком-то сборнике. Список Сиб.-18 представляет собой тот же вариант текста, но имеет ряд особенностей. Список Пл.-16 содержит другую редакцию «Стиха...», хотя и связанную генетически с текстом вышеперечисленных списков. Археографический поиск позволил бы, несомненно, обнаружить и другие списки памятника, но даже на таком ограниченном материале можно утверждать, что «Стих...» был известен на разных территориях (Русский Север, Урал, Сибирь), а его текст отличается вариативностью.

Самостоятельным произведением на ту же тему является стихотворная повесть о споре Хмеля, Табака, Чая и Кофея («Смѣху или плачу достойная составленная повѣсть сия. История из разговоровъ о четырехъ братцахъ, а именно о Хмелю, о Табакѣ, о Чаю и о Кофею, какъ они другъ друга зазирали и свои гадкия и подскудныя дѣла выражавши открывали. Мудрый, слышавши, поплачетъ, а глуповатый поусмѣхается»), сохранившаяся в рукописи начала XX в. ИРЛИ. Кол. Каликина. № 26. Л. 1–6. Текст переписан полууставным почерком известного старообрядческого книжника филипповца Симеона Гаврилова (см. о нем: [Савельев; Щипин]). Нет сомнений в том, что «Стих...» является одним из источников этой повести. Данное произведение достойно отдельного исследования и публикации, поэтому в настоящей статье оно представлено совсем кратко.

«Стих...» возник на пересечении устной и книжной традиций, позаимствовав мотивы и отдельные фразы из древнерусских повестей, апокрифов, фольклорных легенд, песен и афоризмов. «Низкая», даже нецензурная лексика соседствует здесь с библейскими сюжетами, что создает особый эффект глума.

Текст открывается речами Хмеля, который «говорит о себе похвално» (Инст.-42). Такое начало вызывает отчетливые ассоциации с теми рукописными и фольклорными произведениями, которые построены как монолог Хмеля: Слово о Хмеле (известно с XV в.), Повесть о Хмеле (2-я пол. XVII в.), народная песня «Хмелюшка по выходам гуляет» [Повесть о Горе-Злочаштии, с. 78–83, 85]. На одной из лубочных картинок («Аз есмь Хмель высокая голова...») Хмель изображен как змей, обвивающийся вокруг дерева и соблазняющий мужчину и женщину в модных нарядах (Адама и Еву новых времен)

[Ровинский, с. 195—196]. Во всех этих произведениях Хмель выступает как «самохвал», утверждающий, что он «силен боле всех плод земных» (Слово о Хмеле, Повесть о Хмеле, лубочная картинка), его руки «обдержат всю землю» (лубочная картинка) и нет никого его «лучше» и «веселее» («Хмелюшка по выходам гуляет»), в «Стихе...» же Хмель заявляет о своем превосходстве, используя обценную поговорку: «Вамъ, братцы, со мною водится, какъ в крапиву сра(т)ъ садится» (Вл.-4).

Хвалится Хмель в «Стихе...» и тем, что его «Богъ сотворилъ и надвое разделилъ: умнымъ на веселие, а безумнымъ на погибель» (Вл.-4). Эта мысль о двойственности вина отчетливо выражена уже в древнейших древнерусских поучениях против пьянства: «...от Бога питье бо умнымъ на веселие есть, а несмысленным, иже ся часто упивают, во пьянство» [Калиновская, с. 59]. Допустимость умеренного «пития», основанная на том, что вино «произращено» Богом и «веселит сердце человека» (ср.: Пс. 103: 14—15), подкреплена в «Стихе...» перечнем 12 чаш (или чарок). С каждой выпитой чашей человек все больше погружается в мир «антинормы», предается дьяволу, но все же первая чаша, а иногда даже вторая и третья не противопоказаны праведной жизни: «Первую мою чашу пить — здоровому быть, вторую пить — веселому быть, третью пить — ум утвердить» (Сиб.-18). Ср. в «Смѣху или плачу достойной составленной повѣсти»: «Когда сидишь въ пиру, первую чашу выпьешь — в сладость, вторую — во здравие, третью — в безумие, четвертую — в бѣсование». Перечень чаш и другие изречения, связанные с Хмелем, находят многочисленные параллели в фольклоре, среди пословиц и афоризмов.

Народные изречения	«Стих...»
Первую пить — здраву быть, вторую пить — ум повеселить, утроить — ум устроить, четверту пить — неискусну быть, пятую пить — пьяну быть, чара шестая — мысль будет иная, седьмую пить — безумну быть, к осмой приплести — рук не отвести, за девятую приняться — с места не подняться, а выпить чарок с десять — так поневоле взбесят [Даль, с. 797]. Чарку пить — здорову быть, повторить — ум развеселить, утроить — ум устроить, много пить — нестройну быть [Даль, с. 797].	Первую чарку пить — веселому быть, а вторую пить — себя потребить, третью пить — шутливому быть, четвертую пить — не на мѣсте быть, пятую пить — умъ устроить, шестую пить — неискусному быть, естли выпить седьмую, то будетъ смыслъ иная, прикоснутся к осмой, то и самъ будешь не свой, а за девятую чарку принется, кабы и с мѣста поднется. Естли выпить десять, заневолю збѣситъ. А мы по двенатяти выпивали и домой не бывали (Вл.-4).
Ум говорит: посидим! А хмель говорит: пойдем да попьем! А безумье говорит: дождемся побой да вместе пойдем домой! [Снегирев, с. 262].	Умной говорит: «Поидемъте домой». А безумной говорит: «Посидимъ да попиемъ, хотя и дождемся побой, да тогда вкупе поидемъ домой» (Акад.-29).

Вино надвое растворено: на веселье и на похмелье [Даль, с. 794].

Богъ сотворилъ и надвое разделилъ: умнымъ на веселье, а безумнымъ на погибель (Вл.-4).

Табак пытается развенчать своего оппонента, сбить его спесь и обращается с этой целью к библейским временам, к истории всемирного потопа: «Ахъ ты, самохваль, бѣсова голова! Ветъ тебя самъ бѣсъ из Аравитскихъ горъ принесъ, тамъ ли ты жилъ, то ты и Ноя прельстилъ и ковчегъ разорилъ» (Акад.-29); «Ты хотел Н(о)я потоп(ить) и ковчег разорить» (Сиб.-18); «Братъ мой бѣсъ с Аравитскихъ горъ тебя принесъ. Ты вѣдь дѣдушку моему сатанѣ внукъ. Ты тамъ былъ да Ноеву жену потопилъ и ковчегъ разорилъ» (Пл.-16).

Источником этого сюжета является апокрифическое сказание о Ноевом ковчеге, известное в древнерусской книжности по крайней мере с XV в. по сборнику монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, где оно входит в состав особой компилятивной Палеи. Господь послал к Ною Архангела Михаила, чтобы он повелел ему построить ковчег. Когда Ной ушел исполнять Божию волю на некую гору, дьявол приступил к жене Ноя и начал наущать ее, чтобы она выведала у мужа его дела. В помощь ей он указал на выющийся вокруг дерева хмель: «...вземши травы тоя цвѣтъ, укваси мукою и напои его, и исповѣсть ти все» [Каган-Тарковская, с. 106]. Опьяневший Ной рассказал жене о Божием повелении, а та передала рассказ дьяволу, который нашел ковчег и разбил его «яко прах». Во второй ковчег, построенный через 30 лет, дьявол проник опять с помощью жены Ноя, обернувшись мышью и начал грызть дно ковчега, чтобы его затопила вода. Но по молитве Ноя из ноздрей «лютого зверя» выскочили кот и кошка и удавили мышь. Так люди и звери были спасены во время всемирного потопа.

В рассказе Ефросина не уточняется, на какой горе Ной строил ковчег, но в других древнерусских вариантах сюжета местом действия названы, как и в «Стихе...», Аравитские горы [Каган-Тарковская, с. 109]. В Библии горы, на которых остановился ковчег после потопа, именуются Араратскими (Быт. 8: 4). Апокрифический рассказ о Ноевом ковчеге проник в устную традицию, причем в «народной Библии» встречается и мотив гибели нечестивой жены Ноя: «...яго жонку Бог утопил, як недостойна» [Белова, с. 257]. В процитированном рассказе хмель не упоминается, но сама трактовка жены Ноя как «недостойной» восходит к представленному выше сюжету о дьяволе, который использует хмель для разрушения ковчега.

Изложение в «Стихе...» еще одного библейского сюжета, который также используется Табаком в его обличениях Хмеля, в целом соответствует каноническому тексту Священного Писания (Быт. 19: 30–38):

⟨Табак⟩: «Лоть праведный ис Содомы и Гомора с женою шель, и в тебѣ правды не нашель, и з двумя дочерми блудъ сотворилъ. Да евто всѣми и слышно, что от тебя такое беззаконие вышло». ⟨Хмель⟩: «В то время хоть праведный былъ одинъ онъ, человѣческий родъ разводилъ, за то его Богъ во грехах простилъ» (Вл.-4).

Но и Хмель не уступает Табаку в познаниях, и ему есть в чем обвинить своего противника: «В литовскомъ граде была у царя дочь, соблудила со псомъ в стадѣ, а сама стыда ради удавилася, и зарыта на суходолѣ. Тутъ ты выросъ ис капси³, а братья тебѣ псы, она кобелю бледь, тебѣ, Табаку, родима мать» (Вл.-4); «В лит⟨...⟩ городе было име⟨...⟩, со псом соблудила, четырех пещанков родила, и склала их в подол, и унесла в суходол. Там со стыда удавилася, зарыта была в землю. Оттуда ты, пес, вырос, оттуда тебя черт вынес» (Сиб.-18); «Табак-трава ис поганыхъ мѣсть вышла, от жены беззаконныя именем Елизавели. Она в блудѣ и пьянстве многи лѣта проживала, в блудных скверныхъ дѣлахъ жизнь свою скончала» (Пл.-16).

Откуда у Хмеля эти сведения? О происхождении табака повествуется в двух рукописных произведениях XVII—XVIII вв. — в широко распространенном в рукописях «Сказании от книги глаголемыя Пандок» и в Повести «из лѣтописца греческаго о томъ, от чего проклятая табака возникла», которая известна сегодня всего в четырех списках⁴. В основе обоих произведений лежат мифологические представления «о произрастании различных трав и деревьев на могилах сообразно свойствам покойников» [Волкова, Поньрко, с. 44]. Но при всем сходстве сюжетов история происхождения табака представлена в этих произведениях по-разному.

В «Сказании от книги глаголемыя Пандок» действие происходит во времена раннего христианства, в «элинской земле», которой управляет царь Анепсий. В самом начале «Сказания...» приводится цитата из Апокалипсиса о нечестивой жене Иезавели — пророчице, учившей людей любодействовать и есть идоложертвенное; ей дано было время покаяться, но она не покаялась (Откр. 2: 20—23). Дочь Иезавели, плод любодейния, стала блудницей, и ее поглотила земля на 30 «локтей» в глубину. Из чрева блудницы «любодейчивый» демон почерпнул «чашу мерзости полную», которую разлил над ее трупом. Из этой «мерзости» на могиле блудницы и вырос табак, распространившийся в дальнейшем в «элинской земле» [Легенда о происхождении табака].

³ «Ис капси» (варианты: «ис капки» — Инст.-42; «ис капии» — Акад.-29) — из женского полового органа. Хотя в таком значении найти эти слова в словарях не удалось, очевидно, что они являются однокоренными с древнерусским словом «капь» — *вместилище* [Словарь русского языка, с. 69]. Благодарю И. А. Кюршунову и С. А. Мызникову за консультацию по этому вопросу.

⁴ См. новейшее диссертационное исследование этих памятников: [Бровкина].

Местом действия в повести «из лѣтописца греческаго» является литовский град Вильно. Дочь богатого королевского сановника воспитывалась родителями в заточении ради сохранения телесной чистоты. Но уберечь девицу от беды не удалось. Когда дочери исполнилось двадцать лет, отец подарил ей «на утѣшение» «гнездо кур», кошку и щенка. Через два года «оное щеня возрасте кобель, и диявольскимъ наводнениемъ впаде в блудъ девица со псомъ онымъ» и родила «4 песика». Не в силах пережить позор, девица сняла с себя пояс и удавилась на нем, ее похоронили «за три поприща от града (...) на высокомъ мѣстѣ». Спустя 40 дней дьявол, преобразившись в ангела, показал отцу могилу его дочери: из срамного места девицы росла трава, поднимавшаяся над могилой на полтора аршина, — это был табак⁵.

Примечательно, что в том варианте текста, который представлен списками Вл.-4, Акад.-29 и Инст.-42, Табак после пересказа Хмелем изложенной в повести «из лѣтописца греческаго» истории заявляет: «Видно ты по старой вѣре идешъ...». Устами этого персонажа автор «Стиха...» утверждает, таким образом, что этот круг представлений характерен для староверов.

В обоих сочинениях повествуется и о дальнейшей судьбе табака — о его использовании дьяволом с целью отвратить людей от праведного пути, но к нашей теме это прямого отношения не имеет.

Нетрудно убедиться, что в процитированных фрагментах из разных вариантов «Стиха...» нашли отражение оба произведения. В списке Вл.-4 и близких ему по тексту Инст.-42 и Акад.-29, а также в Сиб.-18 использован текст повести «из лѣтописца греческаго»: на это указывают «литовский град» как место действия, мотив соития с псом, упоминание женских гениталий, откуда произрастает табак, и даже число «песиков», которых родила девица. В свою очередь, вариант, представленный в Пл.-16, обнаруживает связь со «Сказанием от книги глаголемая Пандок», персонажем которого является библейская Иезавель. Этот факт свидетельствует о том, что при редактировании «Стиха...» книжники очень свободно обращались с текстом, переключались с одного источника на другой.

Мотив произрастания табака из гениталий женщины, совокупившейся с псом, известен и фольклорным легендам, восходящим к повести «из лѣтописца греческаго» или послужившим для нее основой. И все же для «Стиха...» логичнее предполагать непосредственно книжный источник, поскольку приводимые в «Стихе...» детали («литовский град», число родившихся щенков и др.), судя по опубликованным текстам легенд [Белова, Кабакова,

⁵ «Выписано из лѣтописца греческаго о томъ, от чего проклятая табака возникла, слово 21, лист 139» (РНБ. НСРК. Ф. 465. Л. 395–397).

№ 323, 324], для них не характерны. Впрочем, нет сомнений, что создатели разных редакций «Стиха...» прекрасно знали как книжные, так и устные тексты никоцианской тематики.

Желая доказать превосходство над Хмелем, Табак сообщает о любви к нему не только простых людей, но и духовенства и знати: «Есть и на меня мода, покуда не одны простые люди, и священнический чинъ меня любятъ и ублажают, въ церковь меня берутъ и тамъ меня дерутъ, а тебя, злодѣя, не берутъ» (Вл.-4); «Кажется, все власти и судии мноу утверждаются, с царями говорить. Неужели онѣ разуму не имѣють?» (Пл.-16; близко в Сиб.-18). Пристрастие представителей духовного сословия, включая семинаристов, к табаку — мотив, весьма распространенный в «низовой», прежде всего сатирической, литературе XVIII—XIX вв. (ср., например: «А о курении табаку и академисты духовные знают, и курить его не возбраняют, и сами употребляют» [Алпатов, с. 155]; «Священные чины, попъ или пономарь, всѣ с табаком идутъ во олтарь»⁶; «Даже и в церковь меня нос(я)тъ, я и на крылаѣ стою, а и крылошанѣ от меня исполняютъ похоть свою. <...> меня носить и во олтарь небранно» («Смѣху или плачу достойная составленная повѣсть...»)). А ответ Хмеля на реплику Табака в Пл.-16 («Разумъ они (власти и судии. — А. П.) имѣют и могутъ совѣтъ дать, с кого болѣе взять») позволяет отметить в «Стихе...» элементы социальной сатиры. Тема мздоимства «властителей и судей» (ср. у Г. Р. Державина) была, как известно, чрезвычайно популярна в сатирической литературе XVIII—XIX вв.

Финальная часть текста также различается в вариантах «Стиха...»: в Акад.-29 и Инст.-42 последнее слово остается за Табаком, который обещает в конце времен стать «всеми миру мати и отецъ» (в Вл.-4 конец текста утрачен); в Пл.-16 диалог прекращает Хмель, не желающий «болѣе бумаги марать» (выясняется, что он является писцом, записывающим «похождения» Табака); а в Сиб.-18 утверждается, что Табак и Хмель равны, поскольку имеют «одного отца — сатану».

Стихотворная «Смѣху или плачу достойная составленная повѣсть...» является, как уже было сказано, самостоятельным произведением, но общие со «Стихом...» мотивы указывают на то, что последний послужил для нее источником. Кроме Табака и Хмеля, в споре здесь принимают участие Чай и Кофей, которые также по народным (прежде всего, старообрядческим) воззрениям являются нечистыми растениями: «Аще кто от православных христиан дерзнет пити чай, сей отчаеся самого Господа Бога и да будет

⁶ Стих «Верзауль бѣсовский князь с рогами» (ИРЛИ. Усть-Цилемское новое собр. № 322. Л. 24. XIX в.).

предан 3-жды анафеме», «Аще кто от православных христиан дерзнет пити кофей, в том человеке будет ков и лукавство» [Пигин 2014, с. 35]. В повести не используются, в отличие от «Стиха...», легендарно-апокрифические произведения о Ноевом ковчеге и о происхождении табака. Табак, согласно повести, привезен в Европу из Америки, Чай — из Китая. Но круг библейских персонажей, пострадавших от Хмеля, здесь расширен: «...сильный Самсонъ от своей жены Далиды очей лишился. Богатый от него во адѣ страждеть, от убогага Лазаря капли водныя жаждеть. Такожде и Иродъ из-за пьянства Иоанну Крестителю главу отрубилъ, а свою душу навѣки погубилъ». В тексте приводятся цитаты из Священного Писания, «Книги о вере», «Газеты из ада», экскурсии в историю борьбы с табаком в России. В целом по сравнению со «Стихом...» повесть ближе к быту и исторической действительности, а приметы старообрядческого мировоззрения в ней выражены более отчетливо.

Остается отметить глубинную связь «Стиха...» с широко распространенными фольклорными и книжными произведениями, построенными по типу драматургического текста, диалоговой речи. «Стих...» может быть сопоставлен с шутливыми диалогами и перебранками, запечатленными в подписях к лубочным картинкам «Каналия, сойди с древа», «Драка», «Блинщица», «Добрые молодцы, кулачные бойцы», «Разговор шута Фарноса и его жены Пегасьи с целовальником Ермаком», «разговоры пьющего с непьющим, крестьянина с философом, мальчика с книжником, жениха со свахою; похождения и потасовки разных Вавил, Данил, Ерем, Парамошек» [Ровинский, с. 45, 189, 190, 198, 213, № 23 на цветной вклейке]. По наблюдениям Д. А. Ровинского, «ви́рши всех этих картинок так типичны и народны, что знатоки нашей народной археологии Даль и Снегирев дословно выписывали из них свои народные пословицы» [Ровинский, с. 213]. Комические диалоги представлены в жанре рауса фольклорного театра («Ерема и Фома» и др.)⁷. В форме диалога написаны некоторые рукописные повести на нравоучительные темы — например, стихотворная «Повесть дивная от Старъчества о мнихе и о бесе, како они спиралися промеж собою в лесе» рубежа XVIII—XIX вв., причем предметом «прения» монаха и беса является табак [Пигин 2012]. С какими-то из этих произведений «Стих...» имеет больше сходства, с какими-то меньше, но, помимо диалогической формы, раешного стиха и грубой площадной лексики, все эти произведения роднит смеховая и фривольно-игровая стихия.

⁷ При этом сами Хмель и Табак не являются персонажами фольклорного театра. Благодарю А. Ф. Некрылову за консультацию о народных пьесах-диалогах.

В Приложении публикуется текст «Стиха...» по рукописи ИРЛИ. Кол. А. Н. Власова. № 4. Утраченные в списке несколько предложений в конце восстановлены по рукописи БАН. 16.4.29. Из устаревших букв кириллического алфавита сохраняется только «ѣ»; «ъ» сохраняется и в середине, и в конце слова, пунктуация современная.

Приложение

О Хмелѣ и Табакѣ, глава 32

Въначалѣ говорит Хмель: «Вседержитель Боже Творецъ Богъ создалъ словесныхъ овецъ. Когда Богъ челоѣка сотворилъ, и меня в то же время зародилъ, благословилъ со мною водится да мною веселится. Первую чарку пить — веселому быть, а вторую пить — себя потребить, третью пить — шутивому быть, четвертую пить — не на мѣсте быть, пятую пить — умъ устроить, // шестую пить — неискусному быть, естли выпить седмую, то *л. 4* будетъ смыслъ иная, прикоснутся к осмой, то и самъ будешь не свой, а за девяную чарку принется, кабы и с мѣста поднется. Естли выпить десять, заневолю збѣситъ. А мы по двенатсяи выпивали и домой не бывали. Умной говорить: пойдемъ домой, а безумной говорить: посидимъ да попьемъ, хотя дождемся побои да вкупе^а пойдемъ домой. Стали еще потпивать, а самихъ стали по шее тол//кать, со двора нас свели, а мы чють домой добрели, до- *л. 4 об.* рогой бежали, на дороге до дни пролежали, гдѣ бы свинья не ходила, пришла бы насъ разбудила. Стали мы в начаткѣ, погледимъ: нѣтъ не на одномъ шапки, стали мы утирать свои губы, посмотримъ: нѣтъ не на одномъ шубы».

Тутъ Хмель началъ говорить и смѣются: «Вамъ, братцы, со мною водится, какъ в крапиву срать^б садится. Хвалю я тѣхъ, кто меня з благодаре-// ниемъ пьеть, тотъ мнѣ и честь воздаетъ. Я толко ненавижю тѣхъ, которые *л. 5* трутъ табакъ да ходять ко мнѣ в кабакъ. Единъ песь, набивши табакомъ носъ, а на меня, Хмелюшка, понось, выпилъ вина за петакъ и ходить безобразно такъ. Я думаю, всякъ про то слыхалъ, что Табакъ ис поганого мѣста вышелъ. Да и я думаю и знают про то вси, что Табакъ выросъ ис капси. А я, Хмелюшко, // веселая головушка, меня Богъ сотворилъ и надвое разделилъ: *л. 5 об.* умнымъ на веселие, а безумнымъ на погибель. Есть мое дѣло челоѣка развратить и помирить».

^а Испр. по списку БАН. 16.4.29, в ркп. вкутъ. ^б Испр. по списку БАН. 16.4.29, в ркп. срадь.

Табакъ услышалъ, говорить сталъ: «Ахъ ты, самохвалъ, бѣсова голова! Ветъ тебя самъ бѣсъ из Аравитскихъ^в горъ принесъ. Там ли ты жилъ? Это ты
л. 6 и Ноя утопилъ и ковчегъ раззорилъ, всѣ люди говорят, а тебя // бранятъ».

Хмель говорит: «Ты послушай, песие урождение, ты же диявольское на-
вождение! Вода землю потопила и горы разнесла, а меня, Хмелюшка, во всѣ
долы занесла — было Богу такъ угодно. А тебя тогда не было на свѣте, а хва-
лишша, что ты жилъ со мной в совѣтах, а я с тобой, бездѣлникомъ, в бесѣду
л. 6 об. не хошу, а о твоємъ родѣ вѣрно скажу. В литовскомъ граде была // у царя
дочь, соблудила со псомъ в стадѣ, а сама стыда ради удавилась и зарыта на
суходолѣ. Тутъ ты выросъ ис капси, а братья тебѣ псы, она кобелю бледь,
тебѣ, Табаку, родима мать».

Табакъ головой покачалъ, говорить началъ: «Охъ ты, братъ, я ето
не вообразилъ, какими ты меня словами поразилъ. Видно ты по старой вѣре
л. 7 и//дешъ, а меня хуже пса признаешь. Ветъ нынешнею порою и я страмъ
твой открою. Когда-то Лотъ праведный ис Содомы и Гоморы с женою шелъ,
и в тебѣ правды не нашель, и з двумя дочерми блудъ сотворилъ. Да евто
всѣми и слышно, что от тебя такое беззаконие вышло».

Хмель говоритъ: «Полно, окаяникъ, собачей племяникъ! В то время
л. 7 об. хотъ праведный былъ одинъ онъ, // человѣческий родъ разводилъ, за то его
Богъ во грѣхах простилъ».

Табакъ говоритъ: «И, братецъ, хот бы ты много зналъ, да не всякому
бы ты внушалъ, да не всякъ бы про то зналъ. Есть и на меня мода, покуда
не одны простые люди, и священнический чинъ меня любятъ и ублажают,
л. 8 въ церковь меня берутъ и тамъ меня // дерутъ, а тебя, злодѣя, не берутъ».

Хмель говоритъ: «Ахъ ты, проклятый песь, какъ ты себя вознесъ! А бра-
тия твои псы, которые тебя ублажают, а умныя в заходъ кидают. Хотя есть
моя воля, на тычинке в поле наверху сижу да на твою бесовскую забаву гле-
л. 8 об. жу. А какъ ты, проклятой, из Литвы в Росию вскочилъ, // такъ христіанской
законъ помрачилъ и всѣхъ людей от Бога отлучилъ».

Табакъ началъ говорить: «Ахъ ты, святая душа, хвалишша, — гово-
рить, — сколько ты людей моришь. Меня хотя дубиной в горшкѣ трутъ, а от
меня люди не мрутъ. Меня хотя и на огнѣ жгутъ, стало быть от меня добра
ждутъ»^г.

Хмель говоритъ: «Полно, пѣсие урождение, диявольское наваждение,
ето^а одны рѣчи и басни; обжоры хмелем обжираются, а от тебя, Табаку,

^в Испр. по списку БАН. 16.4.29, в ркп. равиитскихъ. ^г На этом месте текст из рукописи А. Н. Власова заканчивается, далее передается по списку БАН. 16.4.29 (л. 14–14 об.). ^а Испр., в ркп. его.

живъ челоувѣкъ, а хуже мертвеца: мозгъ въ голове почернѣть, и чудствия изменятся, и умъ от християнскаго^е пути отлучится».

Табакъ говоритъ: «Видно, мнѣ тѣбя нѣ переспорить. А я, Хмелюшка, молодець, сделаю с тобой конецъ. А когда будетъ вѣку конецъ, тогда я явлюся всему миру мати и отецъ». Конецъ.

Литература

- Алпатов — *Алпатов С. В.* «Ведомость из ада»: Судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2 (33/34). С. 149–175.
- Бабалык — *Бабалык М. Г.* Растения хмель и табак в поздних старообрядческих сочинениях // Гора Калинова (бильни свет у традиционалној култури Словена). Београд: Удружење фолклориста Србије: Универзитетска библиотека «Светозар Марковић»; Vilnius: Lietuvių kalbos instituto, 2019. С. 139–157.
- Белова — «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
- Белова, Кабакова — У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой и Г. И. Кабаковой. М.: Форум; Неолит, 2014. 528 с.
- Бильдюг, Галашева, Кужлев — *Бильдюг А. Б., Галашева Т. Н., Кужлев М. В.* Описание собрания вятских рукописей в Древлехранилище Пушкинского Дома (оп. 59, Вятское собрание) // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2019. Т. 66. С. 387–440.
- Бровкина — *Бровкина Т. В.* Древнерусские повести о происхождении табака: проблемы истории текста и сюжетной организации: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2020. 309 с.
- Волкова, Понырко — *Волкова Т. Ф., Понырко Н. В.* Повести о табаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3: (XVII в.), ч. 3: П–С. С. 44–47.
- Даль — Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М.: ГИХЛ, 1957. 992 с.
- Иванова — *Иванова А. А.* Софийский Илья Михайлович // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т. 4: П — Софронов А. В. С. 929–930.
- Каган-Тарковская — *Каган-Тарковская М. Д.* Легенда о дьяволе в Ноевом ковчеге по древнерусским рукописным сборникам // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 106–110.
- Казанцева — Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН) / Сост., вступ. ст., коммент. и описание рукописей Т. Г. Казанцевой. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014. 363 с.
- Калиновская — *Калиновская В. И.* К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература: Источниковедение. Л.: Наука, 1984. С. 55–63.
- Легенда о происхождении табака — Легенда о происхождении табака // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко / Под ред. Н. И. Костомарова. СПб.: Тип. Кулиша, 1860. Вып. 2. С. 427–434.

^е *Испр., в ркп. слова от християнскаго написаны дважды, вторичное написание зачеркнуто.*

- Описание рукописного отделения — Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л.: [б. и.], 1951. Т. 4, вып. 1 / Сост. А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. 598 с.
- Пигин 2012 — Пигин А. В. К изучению демонологических сказаний о табаке: рукописная повесть конца XVIII — начала XIX века «о мнихе и о бесе» // In *Umbra: Демонология как семиотическая система*: Альм. М.: РГУ, 2012. № 1. С. 331–344.
- Пигин 2014 — Пигин А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII–XX вв. // Живая старина. 2014. № 4. С. 34–37.
- Пигин, Бабалык — Пигин А. В., Бабалык М. Г. «Справедливая критика на табак» (XIX в.): вопросы генезиса, поэтики и истории текста // Текст и традиция: Альм. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 7–19.
- Повесть о Горе-Злочастии — Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л.: Наука, 1985. 111 с.
- Ровинский — Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский: В 2 т. [В одной книге]. СПб.: Тропа Троянова, 2002. 340 с.
- Савельев — Савельев Ю. В. Северодвинский старообрядец Симеон Гаврилов и его рукописное наследие // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры: Тез. докл. Междунар. науч. конф. (13–17 сентября 1994 г.). Петрозаводск: [б. и.], 1994. С. 86–89.
- Словарь русского языка — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1980. Вып. 7: (К — Крагуяр). 403 с.
- Снегирев — Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. 624 с.
- Щипин — Щипин В. И. Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского // Житие Герасима Вошикова: Сочинение старца Симеона Гаврилова / Публ., предисл. и коммент. В. И. Щипина. М.: Третий Рим, 2010. С. 3–21.
- Filosofova — Filosofova T. Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2010. 544 S.

References

- Alpatov, S. V. (2014). '«Vedomost' iz ada»: Sud'by evropeiskoi satiry v otechestvennykh religioznykh subkul'turakh XVIII–XX vekov', *Vestnik tserkovnoi istorii*, 1/2 (33/34), 149–175.
- Babalyk, M. G. (2019). 'Rasteniya khmel' i tabak v pozdnykh staroobryadcheskikh sochineniyakh', in: *Gora Kalinova (bil'ni svet u traditsionalnoi kulturi Slovena)*. Beograd: Udruženje folklorista Srbije: Univerzitetaska biblioteka «Svetozar Markovich»; Vilnius: Lietuviu kalbos instituto, 139–157.
- Belova, O. V., ed. (2004). «*Narodnaya Bibliya*»: *Vostochnoslavjanskije etnologicheskie legendy*. Moscow: Indrik, 576 p.
- Belova, O. V., Kabakova, G. I., eds. (2014). *U istokov mira: Russkie etnologicheskie skazki i legendy*. Moscow: Forum; Neolit, 528 p.
- Bil'dyug, A. B., Galasheva, T. N., Kuzhlev, M. V. (2019). 'Opisanie sobraniya vyatskikh rukopisei v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 66, 387–439.
- Brovkina, T. V. (2020). *Drevnerusskie povesti o proiskhozhdenii tabaka: problemy istorii teksta i syuzhetnoi organizatsii*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Syktyvkar, 309 p.

- Dal', V. I. (1957). *Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 992 p.
- Filin, F. P., ed. (1980). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov*. Moscow: Nauka. Vol. 7. (K — Kraguyar'), 403 p.
- Ivanova, A. A. (2019). 'Sofiiskii Il'ya Mikhailovich', in: *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX veka*. 5 vols. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 4. P — Sofronov A. V., 929–930.
- Kagan-Tarkovskaya, M. D. (1987). 'Legenda o d'yavole v Noevom kovchege po drevnerusskim rukopisnym sbornikam', in: *Issledovaniya po drevnei i novoi literature*. Leningrad: Nauka, 106–110.
- Kalinovskaya, V. I. (1984). 'K izucheniyu drevneishikh russkikh pouchenii i slov protiv p'yanstva', in: *Drevnerusskaya literatura. Istochnikovedenie*. Leningrad: Nauka, 55–63.
- Kazantseva, T. G., ed. (2014). *Dukhovnye stikhi v rukopisnykh sbornikakh staroobryadtsev filippovskogo soglasiya (po materialam Kemerovskogo territorial'nogo sobraniya Gosudarstvennoi publichnoi nauchno-tekhnicheskoi biblioteki Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk)*. Novosibirsk: Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 363 p.
- Konusov, A. P., Pokrovskaya, V. F., eds. (1951). *Opisanie rukopisnogo otdeleniya Biblioteki Akademii nauk SSSR*. Moscow; Leningrad: [s. n.]. Vol. 4, 1, 598 p.
- Kostomarov, N. I., ed. (1860). 'Legenda o proiskhozhdenii tabaka', in: *Pamyatniki starinnoi russkoi literatury, izdavaemye grafom G. Kshhelevym-Bezborodko*. Saint Petersburg: Tipografiya Kulisha. Vol. 2, 427–434.
- Likhachev, D. S., Vaneeva, E. I., eds. (1985). *Povest' o Gore-Zlochastii*. Leningrad: Nauka, 111 p.
- Pigin, A. V. (2012). 'K izucheniyu demonologicheskikh skazanii o tabake: rukopisnaya povest' kontsa XVIII — nachala XIX veka «o mnike i o bese»', in: *In Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Al'manakh*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Vol. 1, 331–344.
- Pigin, A. V. (2014). 'Sochineniya o chae i samovare v staroobryadcheskoi pis'mennosti XVIII–XX vekov', *Zhivaya starina*, 4, 34–37.
- Pigin, A. V., Babalyk, M. G. (2017). '«Spravedlivaya kritika na tabak» (XIX vek): voprosy genezisa, poetiki i istorii teksta', in: *Tekst i traditsiya. Al'manakh*. Saint Petersburg: Rostok. Vol. 5, 7–19.
- Rovinskii, D. (2002). *Russkie narodnye kartinki. Sobral i opisal D. Rovinskii*. 2 vols. Saint Petersburg: Tropa Troyanova, 340 p.
- Savel'ev, Yu. V. (1994). 'Severodvinskii staroobryadets Simeon Gavrilov i ego rukopisnoe nasledie', in: *Vygovskaya pomorskaya pustyn' i ee znachenie v istorii russkoi kul'tury. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (13–17 sentyabrya 1994 goda)*. Petrozavodsk: [s. n.], 86–89.
- Shchipin, V. I. (2010). 'Zhizn' i trudy startsa Simeona Severodvinskogo', in: V. I. Shchipin, ed., *Zhitie Gerasima Voshchikova. Sochinenie startsa Simeona Gavrilova*. Moscow: Tretii Rim, 3–21.
- Snegirev, I. M. (1999). *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi*. Moscow: Indrik, 624 p.
- Volkova, T. F., Ponyrko, N. V. (1998). 'Povesti o tabake', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 3 (XVII vek), part 3. P–S, 44–47.